

18+

Яков Гринберг

ИГРЫ С ТАБУ

Когда эксперимент выходит
за пределы разумного,
невозможно сохранить
хладнокровие

Яков Гринберг
Игры с табу. Когда
эксперимент выходит
за пределы разумного,
невозможно сохранить
хладнокровие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400420
ISBN 9785447473754

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга написана про любопытство, которое все еще правит миром, про ложные цели, кажущиеся поначалу такими привлекательными, про эгоизм – как защитную реакцию и любовь – как парадокс! Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Табу	5
Конец ознакомительного фрагмента.	48

**Игры с табу
Когда эксперимент
выходит за пределы
разумного, невозможно
сохранить хладнокровие**

Яков Гринберг

© Яков Гринберг, 2016

ISBN 978-5-4474-7375-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Табу

Система запретов всегда волновала доктора Гарри Воллиса. Как формируется поведенческая база? От чего она зависит? Почему то, что для одного нормально и естественно, для другого нереально и недопустимо? Наследственность и воспитание, врожденные и приобретенные рефлексy, давление социальной среды – все это ясно, но полной картины все равно нет. Что руководит людьми, нарушающими законы социума? Почему в их головах не срабатывают запреты, табу? Почему мозг человека напоминает огромную гостиницу с миллионами номеров, абсолютное большинство из которых навсегда заперты и ключи утеряны? Кто этим управляет? Почему у него, например, при желании перейти границу дозволенного, нарушить табу, то есть войти в какой-нибудь навечно закрытый, с заросшей плесенью дверью, с ржавым, допотопным замком, случайный номер, всегда загорается табличка: «Нельзя! Вход воспрещен», а на соседнем номере, вроде ничем не отличающемся от первого, еще страшнее: «Не входи! Убьет!», а у другого ничего там не загорается? Кто развесил эти объявления-запреты? А может, он, мозговой супервайзер, как раз в его случае ошибся, и именно туда необходимо попасть, там будет абсолютно хорошо, нирвана, экстаз, ощущение блаженства? Как это проверить? Входить не хочется, есть ощущение, что запрещено не про-

сто так, что существует какая-то потенциальная опасность, а снаружи понять никак нельзя, но все же чертовски интересно, что там внутри, что там такого запретного, вредного или, может, сладострастного, к чему нельзя прикасаться, видеть, даже осознавать, что это в тебе существует? Противоречие в архитектуре мозга вырисовывается: с одной стороны, нечто присутствует, а с другой стороны, его как бы нет, оно недостижимо, и даже недопустимо о нем знать. Тогда зачем оно там сидит, место занимает? Природа не терпит пустоты. Какая ему от этого польза или, скажем, целесообразность, или, может, все-таки влияет эта «terra incognita» на мотивы поведения через скрытые каналы? Интересно все это как-то понять, представить себе более детально механизм запретов, процессы, происходящие в подсознании. Как там все крутится?

Придумал он провести эксперимент с крысами. Имя доктора Гарри Воллиса в научном мире хорошо известно, признанный специалист, однако сейчас он затеял не совсем обычный для себя опыт, на стыке с социальной психологией. Суть опыта заключалась в том, чтоб внедрить в сознание животных какую-нибудь абсурдную, можно сказать даже, нежизненную идею, и посмотреть, как обновляемый социум ее запомнит и впоследствии будет ее придерживаться. Образно говоря, это искусственное воспроизведение некоего табу, запрета на определенный вид деятельности. Если вернуться к примеру с гостиницей, то раз нельзя войти в су-

ществующие, намертво закрытые номера, то значит, нужно построить еще один номер, дополнительный, не закрывать его на ключ, но повесить табличку «Вход воспрещен». Через поколение никто из подопытных не будет понимать, почему туда нельзя, почему это запрещено, и тогда будет интересно посмотреть на поведение социума. Смогут ли они перейти через неосознанный запрет, нарушить табу? Принцип моделирования. Поначалу он думал провести этот эксперимент с собаками, но потом понял – крысы лучше. Во-первых, быстрая рождаемость: пять раз в год самка крысы может приносить от восьми до пятнадцати детенышей, то есть обновление популяции происходит непрерывно, во-вторых, крысы – коллективные животные, отлично обучаются, передают информацию друг другу и следующим поколениям, что для эксперимента чрезвычайно важно.

Заявка на эксперимент была оформлена по всем правилам, оставалось пройти официальное утверждение на Ученном совете университета. Дискуссия на эту тему поначалу разворачивалась вяло и лениво, формальное обсуждение под лозунгом «Зачем мешать коллеге что-то там исследовать? Пусть покопается в этом, а мы потом послушаем, что получилось, вроде звучит интересно». Ничего не предвещало бури. Однако после выступления профессора Кроуффа все переменялось.

– Неслыханная вещь, – сказал он, поднимаясь к микрофону на место докладчика. – Эксперимент по моделированию

табу – это оскорбление человека, вернее, всего человечества.

– Ничего, – сразу отпарировал доктор Воллис, который стоял рядом и совершенно не понимал, что в его эксперименте может быть такого оскорбительного, – человек это переживет, а человечество тем более, и не такое переживало.

Сказал и сам засмеялся своему ответу. Он весело и благожелательно смотрел в зал, явно недооценивая угрозы, исходящей от оппонента.

– Я знаю, на что вы замахнулись, – вдруг провозгласил профессор Кроуфф с красным, перекошенным от злости лицом, – вы на религию замахнулись. Вы атеист, безбожник. «Абсурдная и нежизненная идея», как вы изволили выразиться, внедряется в сознание низших, безмозглых тварей, а вы будете хладнокровно наблюдать, как она гаснет, слабеет и исчезает от поколения к поколению. Ясно, на что вы намекаете. Какое право вы имеете моделировать на животных, у которых нет души, святая святых – веру в божественное провидение? Какой результат вы хотите получить? Этот эксперимент – самая аморальная вещь, о которой мне приходилось слышать, это даже хуже, чем опыты по клонированию человека.

Доктор Воллис хотел было язвительно ответить, что в обществе людей вообще любое не критическое поклонение чему-либо или кому-либо точно подходит под предложенный критерий. Любая догма, любая идея всегда подвергаются проверке у нового поколения. Почему уважаемый профес-

сop Кроуфф считает, что именно религия является объектом его нападок, а не тоталитарная модель развития общества, разные культовые группы, но его уже не было слышно.

Зал зашумел, заволновался и распался на мелкие группы спорящих. Научное собрание имеет свои болевые точки, темы, которые бессмысленно и вредно обсуждать, по причине их чувствительности и иррациональности. Одна из них – религия, но есть и другие. Расизм, например, или голодающие дети. Фраза: «Мы же с вами хорошо понимаем, что главная и основная причина заключается в том, что мистер имярек негр. Стыдно, господа!» вызовет бурю, в которой наверняка потеряется сама суть вопроса. Или: «Само обсуждение этого, замечу, весьма дорогостоящего проекта представляется мне аморальным. Посмотрите вокруг, господа, голодающие дети, и значительная часть наших сограждан живет за чертой бедности» почти гарантированно приведет к трудностям в принятии даже самого интересного исследования. Посему в университетской среде, в отличие от политики, существует внутреннее соглашение, что-то вроде морального кодекса, подобные проблемы обсуждать не принято, это дурной тон, но бывают исключения. Упомянутое клонирование, например.

Давно замечено, что любая выборка людей, объединенная по случайному принципу, обладает общими чертами. Это могут быть люди одной профессии, как то: дворники,

спортсмены или ученые, родители на родительском собрании в школе, члены престижного клуба или соседи по дому. Участники любого собрания стихийно делятся на три неравные группы. Первая и наименьшая – это «способные», они быстро схватывают суть дела, понимают, что от них требуется, и адекватно реагируют. Вторая и наибольшая часть – это «народ», его не интересует проблема, он отсиживается на собрании и не хочет вникать в происходящее, голосует случайно, под воздействием эмоций или последнего оратора. Оставшаяся часть – это «демагоги», люди, сознательно

или бессознательно нарушающие основные логические принципы. Они всегда все понимают неправильно, с точностью до наоборот, находят какие-то дикие, совершенно не относящиеся к данному вопросу возражения, всегда напоисты и многословны и часто перетягивают «народ» на свою сторону, заставляя искренне изумляться организаторов собрания бессмысленностью принимаемых решений. Наличие таких «демагогов» в среде дворников не удивительно, люди без глубокого образования, не привыкли логически мыслить, но когда видишь таких профессоров, цвет национальной науки, оторопь берет. Хочется спросить: «Как они сюда попали?». Ну натиск нечеловеческий, ну усидчивость, ну связи, но все равно как-то странно, причем, глядя на них, сразу в голову приходит математический знак – чем меньше, тем больше. Расшифровка такая: чем меньше, вернее, мельче человек, тем больше захватить хочет, чувствует свою

слабость, поэтому нуждается во внешних атрибутах власти, а власть для них – это стенка, которая надежно отгораживает от простых вопросов типа: «А ты сам, в сущности, кто такой? Как сюда попал? Что умеешь?»

Доктор Воллис был раздосадован и озадачен, он никак не ожидал, что его тема вызовет такие крайние мнения, ведь о религии и о том, чтоб что-то там проверять, он вообще никогда не думал, это было вне сферы его интересов, он занимался физиологией животных, поэтому, когда дискуссия разгорелась не на шутку, он подумал, что тут какая-то ошибка, недопонимание. Цели и задачи эксперимента совершенно другие, не нужно за уши притягивать то, чего здесь нет и быть не может. Он попытался разъяснить собранию истинное положение вещей, но было уже поздно, его мнение утонуло в нервной и эмоциональной перебранке всерьез разошедшихся участников дискуссии. Вопрос об эксперименте приобрел незапланированный характер принципиальной проблемы, мировоззренческий масштаб.

К такому повороту никто не был готов. Доктор Воллис с изумлением смотрел в зал. «Атеистов» было больше, но «религиозные» были активнее и уступать не собирались. Локальные конфликты и обидные реплики с места набирали силу, как катализатор, разгоняя экзотермическую химическую реакцию. Температура страстей в хорошо кондиционированном конференц-зале повышалась, приближаясь к опасной черте, за которой начинается неуправляемая цепная реак-

ция, поэтому председатель Ученого совета, профессор Маккензи, видя, что договориться, или, как тут обычно принято выражаться, достичь консенсуса, невозможно, резко закрыл собрание, а вопрос об эксперименте доктора Воллиса перенес в вышестоящий орган – на Пленум ученого совета.

Доктора Воллиса стихийно окружила возбужденная толпа его сторонников, ему пожимали руки, говорили, чтоб он не сдавался, что общественность его поддержит. Все это было странно и даже неприятно, он ученый, а не общественный деятель, эта шумиха, вдруг возникшая популярность не вызвали у него ничего кроме раздражения.

Он не собирался становиться лидером в борьбе науки с религиозным дурманом, не желал возглавлять прогрессивное движение за свободу исследований, он хотел поставить эксперимент, который был ему интересен, и все, ничего более.

С трудом освободившись от «поклонников» и стерев с лица вымученную благодарную улыбку, доктор Воллис на минуту забежал в свою лабораторию. Сообщение, что с экспериментом пока еще ничего не ясно, есть серьезные возражения по части религии, вызвало изумление у сотрудников, а он, выразительно посмотрев в потолок, пожал плечами и без комментариев, не высказывая личного отношения к происходящему, уехал домой.

Войдя в свой комфортабельный дом, Гарри Воллис застал там свою жену, Поллет, уже ожидавшую его у хорошо

сервированного стола, от которого неслись аппетитные запахи. Порядок в доме поддерживался образцовый, компенсируя неряшливость и некоторую неорганизованность самого доктора Воллиса, бумаги которого, дай ему волю, можно было бы находить в кухонном шкафу. Поллет отрегулировала тонкое домашнее хозяйство до мелочей, они жили спокойно и приятно, нарушая монотонность бытия зарубежными поездками на различные симпозиумы и научные конференции, куда, по давно заведенному обычаю, ездили всегда вместе.

– Ты не поверишь, – возбужденно начал Гарри, – сорвали утверждение моей темы на Ученом совете, устроили поножовщину какую-то, стенка на стенку. Представляешь, обвинили меня в оскорблении религиозных чувств в моих опытах с животными. Нонсенс. Чуть до драки не дошло, хорошо, что профессор Маккензи, ты его знаешь, математик, лысый такой, догадался прервать это безумие. В общем, перенесли на Пленум. Такого я еще в жизни никогда не видел. Настоящий скандал.

– Успокойся, дорогой, – мягко сказала Поллет, – садись обедать, пока все горячее. Потом поговорим. Все образуется, не принимай это близко к сердцу. Ты такой взвинченный сегодня. Расстроили тебя.

Гарри посмотрел на жену. Уравновешенная, рассудительная, всегда в форме, без раздражающих женских перепадов настроения, надежно отгородившая его от скучных повседневных житейских мелочей, – настоящий помощник и друг.

«Наверное, она, как всегда, права, все будет в порядке, образуется», – подумал он, вздохнул и сел обедать, положив на колени накрахмаленную, хрустящую салфетку. Гарри во всех жизненных вопросах привык полагаться на жену, она не подведет, как сказала, так и будет.

И действительно, по прошествии двух недель доктору Гарри Воллису было официально объявлено, что на Пленуме ученого совета его тема была благополучно утверждена. Без шума, без криков и спекуляций, спокойно и по-деловому. Поллет была права, все закончилось благополучно. Духовный подъем, «нетерпение сердца», которые он всегда испытывал при начале нового большого эксперимента, быстро уступили место сосредоточенности и желанию заранее учесть великое множество разнообразных условий, необходимых в экспериментах с животными. Нужна надежная, до мелочей продуманная и тщательно проверенная стратегия, ведь малейшая ошибка может привести к срыву всего проекта, к гибели животных, завести в логический тупик, когда нельзя однозначно трактовать полученные результаты.

Прежде всего, требовались животные из одной крысиной семьи. При случайном, бездумном подборе особей для эксперимента срабатывает закон выживания крыс в ограниченном пространстве. Он недвусмысленен и жесток, там нет места для мирного сосуществования. Сильный самец объединяется с сильной самкой, и вдвоем они убивают всех остальных обитателей загона. Это происходит обязательно, это их

биологическая потребность, только так они могут обеспечить безопасность, то есть выживание, для своего потомства. Даже в большом загоне объединившейся паре крыс достаточно двух недель, чтобы прикончить всех остальных, причем происходит это по определенному сценарию. Вначале объединившейся паре как-то удастся понизить социальный статус всех остальных одиноких крыс, а затем они расправляются с ними поодиночке, без особого сопротивления с их стороны, так сказать, казнят провинившихся в непочтении к королевской чете.

В разгар подготовительной работы в кабинете доктора Воллиса раздался звонок.

– Приветствую вас, коллега, – раздался густой, характерный голос профессора Маккензи. Он осведомился, как продвигается проект и, услышав, что все в порядке, перешел к главной теме разговора. – Видите ли, доктор Воллис, моя дочь Эмилия ищет сейчас тему для диссертации, она на кафедре прикладной психологии. Не могли бы вы оказать мне личную услугу и позволить ей, так сказать на добровольных началах, понаблюдать за вашим экспериментом, он ее крайне заинтересовал. Я, конечно, не могу настаивать, но она меня очень просила с вами переговорить.

Профессор Маккензи сделал глубокомысленную паузу и, естественно, услышал в ответ то, что хотел.

– Конечно, профессор, нет никаких проблем, буду рад сделать это для вас, вернее говоря, для вашей дочери. Пусть

приходит в лабораторию хоть завтра, – рефлексивно произнес доктор Воллис, и профессор Маккензи удовлетворенно закончил разговор, поблагодарив за помощь и взаимопонимание, которое так высоко ценится в академической среде.

– Черт бы ее побрал, – с раздражением произнес вслух Гарри Воллис, положив трубку. – Принесла нелегкая, будет теперь какая-то посторонняя болтаться по лаборатории, отвлекать лаборантов, совать нос во все дела и задавать глупые вопросы. Аспирантки мне здесь только не хватало.

Вечером, сидя за столом с Поллет, Гарри отводил душу, изливая свое возмущение выкручиванием рук, которое с ним совершил профессор Макензи.

– Почему же ты не отказал ему, если это так тебя нервирует? – удивленно спросила она.

– Отказать председателю Ученого совета? Ну, дорогая, надеюсь, что ты шутишь, – сказал Гарри и укоризненно покачал головой, он даже представить себе такое не мог.

Доктор Воллис пришел в большую науку сам, его никто не проталкивал, никто по его поводу никому не звонил, не просил. Все его достижения – это плод собственных трудов и способностей. Он относился к классу «беспородистых», не имел ни родственных, ни других связей наверху, не принадлежал ни к какому клану, не был борцом за так называемую справедливость, ненавидел интриги, затяжную вражду. Он любил только свою работу и жену, и этого было для него вполне достаточно. Образно говоря, он не был сторонником

правды, которая у каждого своя, а больше тяготел к категории истины как единому, универсальному инструменту для всех.

На следующий день Эмилия, дочь профессора Маккензи, появилась в лаборатории. Это была благожелательная девушка, брюнетка среднего роста, с серьезными карими глазами. Она быстро перезнакомилась со всеми сотрудниками, но, вопреки опасениям доктора Воллиса, не задавала никаких вопросов, сама осмотрела все кругом, и, усевшись сбоку от строящегося вольера для крыс, чтоб никому не мешать, сосредоточенно задумалась. Тем временем работа по обустройству вольера шла полным ходом, сотрудники строили настоящий крысиный мир, где специально отобранной семье предстояло продемонстрировать особенности примитивного мышления по части запретов. Предложенное им табу, которое они не смогут оценить или понять, должно будет войти в их сознание, в их плоть и кровь.

К концу дня доктор Воллис сам подошел к Эмили и вежливо осведомился, как ей здесь нравится, он не хотел выглядеть бестактным в глазах профессора Маккензи.

– Что у вас будет табу? – спросила она вместо ответа на проявленную вежливость.

– Пища, конечно, – начал терпеливо объяснять доктор Воллис. – Вокруг одной из кормушек, стоящей в стороне от остальных, будут установлены чувствительные датчики, при нажатии на которые подошедших животных будет ударять

разряд электрического тока. Это будет продолжаться до тех пор, пока крысы не усвоят, что из данной кормушки пищу брать нельзя. Как видите, все довольно просто.

– По-моему, даже слишком просто, – неожиданно произнесла Эмилия, отводя взгляд и изобразив на лице что-то похожее на недоумение и разочарование.

Доктор Воллис никак на эти дилетантские демонстрации реагировать не собирался, но ее реакция ему не понравилась. Даже возмутила. «Первый день в лаборатории, а уже корчит постные физиономии. Сама же в этом ни черта не понимает. Скромнее нужно себя вести, мадемуазель», – подумал он, поглядывая на молодую собеседницу.

– А что, по-вашему, не «слишком просто»? – с нескрываемой иронией поинтересовался он. – Надеюсь, вам известно, что базисный инстинкт у животных – это страх смерти и, как его производная, страх голода. Существуют также стремление к размножению и другие, менее значимые, так что выбор у нас, в сущности, невелик.

– Мне кажется, что главное желание у животного в клетке, – это выбраться оттуда на волю, – произнесла она задумчиво.

Доктор Воллис в лаборатории был непререкаемым авторитетом, однако издавна было заведено так, что любой сотрудник мог запросто обсуждать с ним свои идеи. Иногда он спорил, терпеливо объяснял свою точку зрения, иногда соглашался. Главное требование для любого предложения –

это желание помочь, польза для общего дела. За долгие годы ему удалось создать коллектив думающих и понимающих в работе специалистов. Хороших людей. Место, где было приятно находиться и работать, здесь был свой микроклимат и царила обстановка доброжелательности и взаимоуважения, профанов тут не было.

– Выбраться на волю, – повторил он слова Эмилии, как бы взвешивая их важность. – Поверьте, это вам только кажется. Не следует наделять животных человеческими качествами, – предельно вежливо, чтоб не обидеть, ответил он Эмилии на эту глупость и, распрощавшись со всеми, отправился домой, он обещал Поллет вернуться пораньше, они собирались провести конец недели за городом, в заранее заказанном пансионе на берегу моря.

Собираться в дорогу, складывать вещи, думать о том, что может понадобиться на новом месте, Гарри было не нужно, для него понятие сборов в дорогу отсутствовало как факт. Все уже было продумано до мелочей и сложено в чемоданы его женой, поэтому, наскоро перекусив, он поместил приготовленные вещи в багажник машины, и в приподнятом настроении они поехали в свой краткосрочный отдых.

Выбравшись из городской сутолоки светофоров и пробок на загородное шоссе, где движение было свободнее, и проехав значительное расстояние, Гарри увидел перед собой некоторое холмистое образование, бордовую возвышенность, освещенную солнцем. Там был туннель, куда, как в но-

ру, уходила, повиляв среди вулканических валунов, гладкая, отполированная дорога. Урбанистическое изобретение человека, хорошо освещенный электричеством, круглый, как труба, туннель протыкал гору насквозь, временно изолируя быстро несущиеся машины от природного пейзажа, полей и придорожных построек. Несколько минут они неслись по этой марсианской дороге, никак не чувствуя чудовищное давление горных пород сверху, только фонари мелькали перед глазами, и вдруг туннель закончился, они вырвались из внутренностей каменного массива наружу, на солнечный свет. Это было – ах! Сине-голубое небо-море, занимающие все пространство до горизонта, а также наверняка и за ним, бросились в глаза, заставив Гарри и Поллет зажмуриться от этой световой атаки неорганизованной природы. На следующий день, лежа на пляже, глядя на купающуюся жену, она могла сидеть в воде часами, и лениво пересыпая сквозь пальцы мелкий желтый песок, Гарри осознал, что продолжает думать про свой проект, точнее говоря, про предложенный Эмилией вариант табу – дорогу на волю. Это звучало фантастично, нереально, даже как-то ненаучно, но в этом что-то было. Нечто, что волновало его, не давало забыть, отсеять, выбросить из памяти как не относящуюся к делу глупость. Прикидывая так и этак, играясь с этой мыслью, как кошка с мышкой, Гарри поймал себя на том, что даже думать об этом ему интересно, вызывает творческий импульс, какие-то ассоциации, что-то, похожее на другое, новое, философское

осмысление опыта, в то время как старое табу, запрещенная пища, скучна и тривиальна, так уже делали тысячу раз.

Изобретательный ум Гарри нарисовал в воображении крысиный вольтер с норой-туннелем, который вел на волю. На настоящую волю. Тут требуется иное, революционное решение, ведь в этом случае эксперимент имеет если не другой смысл, то наверняка другой масштаб. «В стене лаборатории, благо, что мы на первом этаже, в самом здании нужно сделать дыру и провести туннель насквозь, от крысария до опытного поля, с которым лаборатория граничила, и где университетские ботаники что-то выращивали. Это недалеко, всего несколько метров, ведь крысы должны чувствовать, обонять запах свободы, свежей травы, ветра и дождя. Все должно быть настоящим, а не какой-нибудь суррогат в виде выхода из одной клетки в другую. Без обмана, свобода так свобода», – размышлял он, все более погружаясь в странную идеологию, натягивания на убогую крысиную логику рефлексивного поведения, человеческих, надстроечных категорий – стремления выхода за навязанные ограничения, именно то, от чего он только вчера предостерегал Эмилию. Скажи человеку, что он под домашним арестом, и он будет метаться по дому, как дикий зверь в клетке; скажи, что нельзя выезжать из города, и город станет ему тюрьмой, скажи, что нельзя покидать страну, в которой он родился и вырос, и вскоре, несмотря на то, что никогда раньше такого желания не было, он захочет убежать за границу.

По возвращении на работу доктор Воллис, как и подобает серьезному ученому, засел за специальную литературу, почитал, подумал и недели через две пришел к выводу, что может получиться. Есть шанс. Подход, конечно, спорный, проблематичный и рискованный, никем еще не проверен, но, исходя из собственного опыта и, главное, интуиции, можно было предположить, что сработает. Будучи в своих

научных исследований честным до щепетильности по части ссылок и упоминаний оказавших ему содействие, он подошел к Эмили, которая уже не была в лаборатории праздным наблюдателем, а активно включилась наравне со всеми в строительство крысария, и любезно пригласил ее в кабинет.

– В истории науки случаются иногда забавные парадоксы: идеи, которые еще вчера казались утопическими, иногда обретают второе дыхание, – начал он, пристально глядя на Эмилию. – Должен признаться, что после домашнего анализа ваше предложение показалось мне заслуживающим более глубокого внимания и изучения, короче говоря, я решил принять его, несмотря на мою первоначальную негативную реакцию. Честно говоря, мне это было нелегко сделать, ведь уверенности в работоспособности такого подхода у меня нет, подобных исследований не существует, но тем не менее такая очеловеченная идеология запрета представляется мне более перспективной и интересной по нескольким параметрам, так что вы теперь, в каком-то смысле, мой соавтор, по крайней мере, персональная ссылка на ваше имя в отчете

будет обязательно.

И доктор Воллис рассказал удивленной Эмилиии свою «туннельную» теорию выхода на свободу. Табу обрело новый смысл. В глазах Эмилиии он прочел неподдельное восхищение, и это было чертовски приятно.

Вольер передвинули к стене лаборатории, в нем проделали отверстие, откуда выходила труба, соединяющая вольер с внешним миром, то есть, на крысином языке, нора, ведущая на волю. На настоящую волю – в поля, леса, овраги. К этой трубе-норе крысы могли подняться из вольера по довольно крутой горке. У подножья горки, для большей наглядности, провели ярко-красную окружность, это была граница, за ней, на горке, начиналась настоящая запретная зона, там были установлены чувствительные датчики, автоматически включающие напряжение под крысой – нарушителем границы. Удар тока заставлял беглеца в судорогах скапываться с горки обратно за красную черту, после чего напряжение отключалось, а крыса, замыслившая побег из искусственного Рая – а именно так выглядел сейчас вольер, – получала наглядный болевой урок и возвращалась обратно в образцово благоустроенный крысиный мир с мягкой зеленой травой, кустарником, журчащими ручьями чистой воды и даже небольшим водопадом. Этот Рай, как и библейский, имел только один существенный недостаток: из него нельзя было убежать.

В процессе конструирования и постройки вольера возни-

кала масса технических и идейных проблем, которые так или иначе замыкались на заведующем лаборатории, докторе Воллисе, который как-то поймал себя на мысли, что обсуждать с Эмилией любую тему приятно и доставляет неизъяснимое удовольствие. Приятно было смотреть

на нее, наблюдать, как она думает, насупив брови, как смеется, слегка запрокинув голову назад, как слушает, широко раскрыв глаза, казалось, впитывая слова и мысли. На лицо были все признаки влюбленности, забытого им чувства, не подходящего ни его статусу, ни семейному положению. Это раздражало и радовало одновременно, он потерял спокойствие и размеренность, какие-то юношеские мечты настойчиво бомбардировали его аскетичное мышление, пробивая бреши в морали и разрушая бастионы привычного уклада жизни. Зуд выяснения, вернее форсирования отношений с Эмилией, овладевал им, преодолевая затухающее торможение разума.

На лирическом фоне его теперешнего мироощущения разворачивались события, непосредственно связанные с проектом. Источником новой инициативы была, конечно, опять Эмилия.

– Наказание у крыс за переход красной черты должно быть коллективным, – убежденно сказала она.

– Что? – вначале опешил доктор Воллис. – Вы это серьезно? Будем устанавливать комендантский час, брать заложников? – неожиданно предложил он, испытывая потребность

блеснуть перед ней остроумием.

– Я совсем не шучу, доктор Воллис, – продолжала она упрямо и посмотрела на него своими обволакивающими глазами. – Если одна из крыс переходит в запретную зону, бить током нужно всех, а не только нарушителя границы. Основной принцип коллективной ответственности – страдают виновные и невинные, страдают все без исключения. Только так можно воспитать реальный ужас перед непонятным и неконкретным, то есть настоящее табу. Если наказывать только нарушителя, то крысы быстро поймут, что туда нельзя, и все, а если вдруг, по неведомой причине, всех начинает трясти, то они все равно будут искать причину и рано или поздно найдут связь, статистически, или как-то по-другому, но отыщут источник их мучений. Вот тогда в их примитивном сознании возникнет культ и, как его тень, табу.

Нужно отдать должное доктору Воллису – он сопротивлялся. Приводил доводы, ссылаясь на признанные авторитеты. Обсуждение затянулось до того момента, когда выяснилось, что все сотрудники давно покинули лабораторию. После первого поцелуя, собрав остатки здравого смысла, Гарри спросил себя: «Что я творю?». Он видел свои руки, что-то с нее снимающие, видел ее руки, расстегивающие его рубашку, ее лицо, глаза, с расширенными зрачками. Это был сексуальный удар, как короткое замыкание, отключивший пробки его сознательного поведения. После этого он уже не задавал себе никаких вопросов, а особенно избегал следующих: по-

чему он принял предложение Эмили? как он мог дать зеленый свет этому безумию?! Но факт остается фактом, в крысином обществе с этого момента была узаконена коллективная система наказаний, со всеми вытекающими из этого техническими изменениями в электрической части крысария. Отныне ток, при замыкании крысой-нарушителем контакта за красной чертой, короткими импульсами подводился к полу вольера, и разрядам подвергались все его обитатели, без исключения.

Каждодневная жизнь «двойного агента» плохо давалась доктору Воллису, его несло, и он не мог этому сопротивляться. Он врал тут и врал там, это оскорбляло его имидж честного человека, к чему он привык и с чем было жалко расставаться. Постоянные накладки, неосторожные слова. Приходилось напрягать все способности изворотливого ума, всю свою волю, чтоб это как-то сгладить, каждый раз выбраться из капканов, тут и там расставленных ловушек. Как-то, рассказывая жене о текущих делах в лаборатории, упомянул Эмилию, что сказала она и что он на это ответил, совершенно не видя в этом сообщении ничего особенного или предосудительного, не подозревая, что женщины обладают способностью понимать не то, что говорят, а то, как говорят.

– У тебя роман с этой аспиранткой, дочерью профессора Маккензи? – сразу спросила Поллет тоном, не предвещавшим ничего хорошего. – С Эмилией?

– О чем ты говоришь? – чуть сорвавшимся голосом,

невольню выдававшим его предательское волнение, пытался выразить свое недоумение Гарри. – Как ты могла такое подумать?

– А что еще я должна думать? Тебя не бывает дома, ты мне ничего не рассказываешь, стал нервным, раздражительным, такого с тобой еще не было, – с обидой в голосе объявила она, и, резко прервав разговор, даже не выслушав ответа, отправилась в спальню.

Гарри стало не по себе, обижать жену он совершенно не хотел. Он перестал жевать свой ужин, тяжело вздохнул и отправился за Поллет, нужно было как-то убедить ее, разъяснить, что ничего подобного у него и в мыслях нет и быть не может.

Между тем подготовительная стадия эксперимента подходила к концу. Вольер был практически готов, приемлемое напряжение, чтоб электрическим разрядом только ударять, но ни в коем случае не убивать, подключено, крысы из одной крысиной семьи подобраны, пронумерованы по порядку, снабжены индексом один, что в рамках эксперимента означало первое поколение, первопроходцы, им предстояло весьма сомнительное удовольствие принять на себя главный удар – обучение по системе коллективного наказания, светский вариант «казней египетских», как его однажды в сердцах назвал Гарри, доказывая что-то Эмили.

Можно было начинать, но доктор Воллис медлил. Он не просто волновался, как всегда бывает перед стартом боль-

шого проекта, но чувствовал, что в этом проекте не полностью контролирует ситуацию, он боялся побочных результатов. Из лаборатории, как из хорошо осведомленных источников во время политических кризисов, произошла

утечка информации, по университету о странном эксперименте поползли совершенно фантастические слухи, на доктора Воллиса стали оглядываться коллеги, когда он шел по коридору, и о чем-то шептаться за его спиной, а профессор Кроуфф, его оппонент на

Ученом совете, прямо и недвусмысленно отозвался об эксперименте: «Игра с дьяволом! Причем весьма опасная игра». Только один человек самозабвенно и безоговорочно, без малейшего сомнения в успехе, поддерживал и помогал доктору Воллису – Эмилия, она всегда была рядом, в ее взгляде сквозило восхищение, и это давало ему оптимистический импульс, заряжало энергией.

Перед запуском крыс в вольер доктор Воллис собрал весь состав лаборатории на инструктаж, вернее, ознакомительную лекцию о целях и методах проекта. Дело в том, что сотрудники, работающие с животными, довольно часто устанавливают с ними неформальные отношения, выделяют некоторых, привязываются к ним, называют ласковыми прозвищами и даже тайно подкармливают. Начальная стадия эксперимента будет весьма болезненна для их добрых чувств, и об этом нужно честно предупредить. Видеть, как под воздействием электрического разряда крысы с жалоб-

ным писком в судорогах катаются по вольеру, неприятно, но видеть «шоковое обучение» изо дня в день, много раз подряд, вдвойне тяжело, это может обернуться тяжким испытанием для нервной системы сотрудников, любителей животных, поэтому доктор Воллис в своей беседе специально подчеркнул: это трудный, но, к сожалению, обязательный этап их работы.

Но инструктаж не помог, человеческий фактор в лаборатории оказался слишком чувствительным и хрупким для подобных испытаний. Уже через полчаса после запуска крыс в вольер перед доктором Воллисом стояла Маргарет, старший лаборант, с ней он работал со дня основания лаборатории, она прижимала руки к груди и закатывала глаза.

– Извините, доктор Воллис, но я этого выдержать не могу, – срывающимся голосом объявила она. – Они же кричат от боли. Они мечутся по вольеру и не понимают, за что их так мучают. Они кричат и стонут. Я не могу на это смотреть спокойно, у меня сердце разрывается.

Пришлось отпустить ее в двухнедельный отпуск, пока ситуация не успокоится. Сам доктор Воллис находился в кабинете и к вольеру не подходил, не мог себя заставить, несмотря на то, что просто обязан был показать своим сотрудникам личный пример. Зрелище бьющихся в истерике крыс превышало возможности его нервной системы, зато Эмилия с блокнотом, в котором фиксировался номер крысы – нарушителя границы и время, когда это произошло, сидела око-

ло вольера и неотрывно смотрела сквозь стекло. На ее глазах одинокие крысы-перебежчики переходили красную черту, наступали на невидимые датчики и, получив разряд тока, с жалобным писком в конвульсиях скатывались с горки в зону спокойствия, после чего напряжение от вольера отключалось. Остальные крысы также подвергались экзекуции, они пищали и дергались от токовых ударов по всей поверхности вольера, невинно страдая за чей-то переход границы, но на данном этапе эксперимента Эмилию не интересовали.

Это повторялось раз за разом: бессмысленно и тупо визжали крысы, не понимающие смысла красной черты, для их сознания это место ничем не отличалось от любого другого. Они поднимались, привлеченные запахом свободного поля, а может, просто случайно забредали в запретную зону, падали, сраженные электрическим разрядом, но через некоторое время, казалось, напрочь забыв, чем в последний раз это восхождение закончилось, опять лезли к норе, – снова разряд, жалобный писк, конвульсии и падение. Во всех остальных местах вольера ни в чем неповинные крысы также бились в судорогах. Это продолжалось без конца, без перерыва, без надежды, что

может когда-нибудь прекратиться.

Для человеческого сознания зрелище самобичевания крыс было труднопереносимым. Через пару часов сотрудники уже не могли видеть и, главное, слышать бесконечные разряды тока в вольере и тоны коллективно наказанных крыс.

Известно, что цивилизованный человек не любит смотреть на сцены массового ужаса, голода, страданий. Это мешает спокойно жить, подрывает основы наивной веры в тотальный гуманизм, общую гармонию, поэтому наиболее впечатлительные сотрудники, сославшись на самые разные причины, отпросились домой уже до перерыва на обед.

Для доктора Воллиса, полностью отгородившегося от реалий эксперимента в своем кабинете, сейчас было важно только одно: узнать, через какое количество неудачных и очень болезненных попыток крысы наконец поймут, что туда, наверх, на горку, к норе, ведущей на свободу, хода нет. «Вход воспрещен!» – должно быть записано, зашито в их сознании, без объяснений, почему запрещено, кто запретил. Безликий и категоричный запрет, его нарушение вызывает неотвратимое наказание, распространяющееся на всех. Другого не дано, таковы правила этой игры. Играют все желающие и нежелающие тоже. Играют все! Здесь нет зрителей, только участники представления. Таков общий закон – от жизни нельзя отгородиться, нельзя отсидеться в стороне.

На следующий день неведомая науке эпидемия охватила лабораторию, выбив из активного состояния практически весь ее личный состав. Один за другим сотрудники звонили и объявляли, что выйти на работу не смогут по причине болезни. Остались доктор Воллис, который, проходя в свой кабинет, старался даже не смотреть в сторону вольера, неутомимая Эмилия, практически не отходившая от крыс, и еще

один парень, младший лаборант Рауль, которому, по его собственному выражению, было все по фигу.

Доктор Воллис не возмущался и не протестовал против фактически бегства сотрудников, он понимал их. Сидя в одиночестве в своем кабинете, он не мог заставить себя подойти к вольеру и увидеть практическое воплощение собственного замысла, только Эмилия поддерживала его, периодически забегала и, сознательно опуская эмоциональную часть, рассказывала о подробностях текущего поведения крыс. Доктор Воллис и Эмилия вели себя, как заговорщики, весь мир, казалось, ополчился против них, зато они, как сумасшедшие, с пугающей безрассудностью, бросались друг к другу в объятия сразу после окончания работы, когда Рауль уходил домой, срывали одежды и прямо в кабинете Гарри стонали от любовного экстаза, доводя себя до иступления. Эта незаконная, тайная, порочная связь между заведующим лабораторией и молодой аспиранткой стала неотъемлемой частью их теперешней жизни.

Доктор Воллис оказался между двух огней: с одной стороны, вхождение в запретную зону познания табу, этот безумный, пугающий людей эксперимент, а с другой – страсть, секс до самозабвения, в нарушение всех норм и приличий. Обе стороны этой медали, все дальше и дальше отдалявшие его от нормальной жизни, которой он еще совсем недавно беспечно жил, стали для него текущей реальностью. Для его жены, Поллет, при таком положении, не бы-

ло места, она ушла на периферию сознания. Гарри уже не имел ни желания, ни моральных сил и нервов на какие-то объяснения, выяснения отношений, притворство. Светская жизнь, общественные приличия, на фоне бьющихся в истерике крыс и ежедневной инъекции любовного дурмана, выглядели ненужными и более не волновали его. Они перестали ходить в гости, развлекаться, никого не принимали дома, практически прекратили всякое общение со знакомыми и друзьями, да и отношения между собой свели к минимуму.

На двенадцатый день эксперимента статистика нарушений резко снизилась. Если раньше было сто двадцать – сто тридцать включений напряжения в день, то теперь стало около пятидесяти, то есть снижение более чем в два раза. На тринадцатый день было зафиксировано пятнадцать нарушений, потом три – и все, больше крысы за красную черту не заходили. Они поняли! Две недели потребовалось на то, чтоб долбить эту истину в их примитивные головы. Эмилия была счастлива. День проходил за днем, но к красной черте запретной зоны крысы не подходили. Первый этап эксперимента был успешно завершен. Запрет сформирован. После чего доктор Воллис наконец выбрался из своего убежища и впервые с момента заселения вольера подошел вплотную посмотреть на жизнь своих подопытных страдальцев. Все спокойно, крысы занимались своими крысиными делами и, казалось, забыли обо всем, что происходило совсем недавно, однако это было не так, ведь к горке никто из них не под-

ходил, ни случайно, ни намеренно. Красная черта из условного символа границы превратилась в настоящий крысиный запрет, табу.

Это была большая научная победа, доктор Воллис смог осуществить то, что еще никто никогда не делал. Он начал подумывать, что пора обзвонить сотрудников, сообщить им полученные результаты и тем самым косвенно пригласить вернуться на работу в лабораторию, ведь никакого ущерба для их нервов больше нет и не предвидится, крысы ведут себя идеально, однако решил, на всякий случай, подождать до следующего этапа. После контрольного периода, во время которого не было зафиксировано ни одного нарушения, доктор Воллис принял решение приступить ко второму этапу эксперимента.

Часть крысиной семьи, которая до определенного времени содержалась в отдельной клетке и не испытала на своей шкуре «прелестей» шокового обучения с применением электрического тока, была снабжена текущими номерами, индексом два и запущена в вольер к своим родственникам. Новую группу крысы с индексом один встретили настороженно, тщательно обнюхали, и только убедившись в кровной связи с остальной популяцией, приняли в свою крысиную семью как равноправных братьев, без всяких эксцессов. Это было крайне важно для эксперимента, так как при раздельном содержании двух групп подопытных в течение довольно длительного времени мог возникнуть эффект отторжения, незна-

вания своей родни, что гарантированно привело бы к междоусобной войне до полного истребления слабейшей стороны. Таков закон внутривидового выживания крыс в ограниченном пространстве, – в вольере есть место только для одной семьи. В случае конфликта от второго этапа исследований пришлось бы вообще отказаться, так что сообщение о мирном объединении двух крысиных групп доктор Воллис принял с радостью и внутренним облегчением. Теперь можно будет понаблюдать, как крысы с индексом один будут взаимодействовать с крысами с индексом два в вопросе перехода красной черты. Смогут ли они предать свои знания, опыт новичкам? Как они это смогут сделать? Или статистика нарушений границы для крыс с индексом два будет такая же, как с индексом один, то есть опять начнутся бесконечные разряды тока, судороги и жалобный писк? Причем страдать будут и те, кто уже давно понял, что такое запрет и каковы последствия его нарушения, – крысы с индексом один.

«Очень интересно, как будут развиваться события дальше», – подумал доктор Воллис и посмотрел на Эмилию, они уже давно перешли ту грань, где возможно что-либо прогнозировать. Эксперимент стал напоминать захватывающее путешествие в «terra incognita», где на каждом шагу поджидает неожиданность или опасность. Однако то, что произошло в вольере, заставило доктора Воллиса, образно говоря, раскрыть рот от удивления. Драматические сцены жестокой и скорой расправы над крысами с индексом два начали возни-

кать, когда какой-нибудь новичок пытался приблизиться к красной черте. Старожилы, крысы с индексом один, яростно нападали на него без всякого предупреждения, нещадно кусали и отгоняли прочь. Затем мир и гармония в вольере восстанавливались, никто нарушителя не преследовал, не мстил. Инцидент был исчерпан, и крысы безмятежно продолжали свои обычные дела до нового сигнала тревоги: новичок идет к границе. Короткая, неравная схватка – и крыса с индексом два бежит, иногда окровавленная и хромающая, в другую сторону.

– Потрясающе! – воскликнул доктор Воллис в сильном волнении. – Это уже настоящая, сформированная цивилизация. Крысы с опытом начали выполнять наши функции, вернее, набор превентивных действий по охране границы, они не хотят получать болезненные токовые удары и поэтому несут добровольную пограничную службу. «Нарушитель не пройдет!» – теперь лозунг крыс из первого поколения. Это просто фантастика! Лично я бы в это никогда не поверил, – подытожил он, снимая сцену расправы над крысой из второго поколения, которая имела неосторожность приблизиться к красной черте, на видеокамеру.

Причем нужно отметить, что крысам с индексом один каким-то образом удалось достичь стопроцентного результата, они намертво перекрыли границу, перехода красной черты и, соответственно, включения тока не было зафиксировано ни разу. Дело было поставлено капитально, передача ин-

формации велась методом наглядной агитации, так что покусанные и отогнанные крысы с индексом два на своей шкуре усваивали новую для них истину и к красной черте больше не приближались. Уже через несколько дней среди новой группы вообще не наблюдалось желающих проверить возможность выхода на волю, и жизнь в вольере вновь стала тихой.

Такого наука еще не знала. Доктор Воллис представил себе лица коллег, да что там коллеги, весь научный мир будет потрясен. Открытие фундаментального масштаба. Наблюдалось цивилизованное поведение крыс не на основании врожденных или приобретенных рефлексов, а на основании полученной и творчески переработанной информации. Они, крысы первого поколения с индексом один, не только сами усвоили категорию запрета, но и смогли применить свои знания для защиты самих себя от болезненного наказания, то есть передать свое знание о запрете крысам второго поколения с индексом два. Это переворот в науке о физиологии животных. За исследование такого уровня можно Нобелевскую премию получить. Что касается Эмилии, то она просто светилась от счастья. Первая в жизни серьезная работа в науке – и такие потрясающие результаты. Какие горизонты открываются в социальной психологии, и происходит это все на ее глазах, никто еще такого не видел.

Оставался последний, заключительный этап. Постепенно из вольера нужно было удалить всех крыс первого поколе-

ния, всех, кто на себе испытал действие электрического разряда, всех носителей первичной информации, всех, кто знал о красной черте не понаслышке, а через страдания и боль. Неплохо было бы подождать приплод и через некоторое время удалить также второе поколение, которому объяснили, что и как, вот тогда возникнет ситуация чистого опыта, когда уже никто из обитателей вольера не будет понимать, что происходит при переходе красной черты и почему этого не стоит делать.

Именно тогда, когда все успокоилось и наблюдение за крысами стало рутинным и обыденным занятием, начались проблемы с лаборантом Раулем, «последним из могижан», как в шутку называл его доктор Воллис, – единственным сотрудником, оставшимся в лаборатории после массового бегства остальных. У него что-то случилось с головой, он начал бояться крыс. Вначале он перестал подходить к вольеру и во время своего дежурства располагался метрах в десяти от него, откуда перемещений крыс практически не было видно, но реально его необъяснимый страх вылез наружу, проявился публично, так сказать, когда он наотрез отказался изымать из вольера крыс первого поколения.

– Почему вы отказываетесь? – с удивлением спросил его доктор Воллис.

– Они на меня смотрят, – неуверенно, с заминкой сказал Рауль, упорно глядя в пол.

– Не понял. Как смотрят? – переспросил доктор Воллис.

– Пристально, – шепотом произнес Рауль и опасливо, чтоб не подслушали, оглянулся на закрытую дверь кабинета.

Стало ясно, что дальше обсуждать эту проблему с ним бесполезно, и доктор Воллис, недоуменно пожав плечами и с некоторым удивлением глядя на некогда бесшабашного парня, примирительно сказал:

– Ладно, успокойтесь, Рауль, это не срочно. Подождем еще несколько дней. Займитесь пока обработкой статистики.

Конечно, по всем человеческим законам нужно было отпустить Рауля домой, он явно не в себе, но, с другой стороны, было жалко терять последнего сотрудника. «Пусть на несколько дней отвлечется от крыс, а то такое впечатление, что он перегрелся от впечатлений; видимо, период обучения крыс не прошел для него даром, – подумал доктор Воллис. – Нужно дать ему отдохнуть, ведь галлюцинации у последнего штатного сотрудника неминуемо приведут к тому, что они останутся вообще одни, да и огласка факта, что у человека, участвующего в эксперименте, наблюдается нервное расстройство, крайне нежелательна».

Рассказывая потом Эмилии о возникшей проблеме с Раулем, и, чтоб ее не напугать, представляя разговор со сверхчувствительным лаборантом, которому мешают работать пристальные взгляды подопытных крыс, в утрированном, юмористическом свете, с веселыми нотками в голосе, он обнаружил, что вместо смеха или сочувствия к парню, у которого совсем развинтились нервы, Эмилия отвела глаза

и ничего не ответила.

С улыбкой ожидая ее реакции, Гарри почувствовал, что ничего смешного в его сообщении нет, более того, видно, что она сама явно что-то недоговаривает, скрывает от него. Его улыбка гасла, вернее, все еще безжизненной маской по инерции висела на лице, хотя ему уже было совсем не смешно, более того, возникло ощущение топкого, неприятного, болотного страха.

– Что случилось? Эмилия, скажи мне, что-то не так? – спросил он, непонятно от чего сильно волнуясь. Почему ты молчишь? Ведь что-то не так? Что-то с крысами? Только не молчи, я хочу, вернее, обязан знать полную правду, ведь это мой эксперимент, я его руководитель и отвечаю за все. Эмилия, ты должна мне рассказать. Что же все-таки произошло? Что напугало Рауля?

Он смотрел на нее, и оттого, что она медлила с ответом и не смотрела в глаза, уже знал, был уверен, – случилось что-то, выходящее за рамки нормы, здравого смысла, что-то такое, что Эмилия не хотела или боялась ему рассказать.

– Я не хотела тебя расстраивать, волновать, но они действительно смотрят, – ответила она после некоторого колебания. – Такое впечатление, что они стали понимать больше, чем мы хотели им объяснить. Может, мутация или что-нибудь еще, я в этом не очень разбираюсь, но у них взгляд стал, как бы тебе это представить, не рассеянный, знаешь, как бывает у крыс, такой суетливый взгляд, который не задержива-

ется на одном предмете, а тяжелый такой, спокойный, я бы сказала, сосредоточенный взгляд прямо в глаза. Это странно выглядит, и это неприятно ощущать, так что Рауля обвинять, в сущности, не в чем, он совсем не сумасшедший, он прав.

— Я должен это видеть, — резко произнес доктор Воллис, пересиливая безотчетный страх, ведь не доверять Эмили он не мог, хотя отчетливо сознавал, что увидеть ему придется что-то неприятное, из ряда вон выходящее.

Смотреть на это он, честно говоря, совсем не хотел, но в данном случае отступать было некуда, события брали его за горло. С чувством крайнего раздражения он вышел из кабинета в сопровождении Эмили и вплотную подошел к толстому стеклу вольера. Крысы вели себя спокойно. На всей территории их искусственного мира, исключая, конечно, запретную зону за красной чертой, они что-то ели, переходили с места на место, встречались, обнюхивали друг друга и мирно расходились. «Идиллия, — подумал доктор Воллис. — Что тут может быть страшного, неприятного? Кто и на кого пристально смотрит? Бред какой-то, разгоряченное воображение. Переработали они, перенапряглись, вдвоем тянуть работу всей лаборатории непросто. Хотя Эмилия, в отличие от Рауля, совершенно не производит впечатление нервного, издерганного человека, скорее наоборот, во всем, что касается работы, сдержанна и рациональна. Странно все это, очень странно». В разгар этих соображений крупная крыса подошла к прозрачной стенке вольера, и вдруг, встав на задние

лапы и упершись передними в стеклянную преграду, пристально посмотрела прямо в глаза доктора Воллиса. Вслед за ней, будто повинувшись некому приказу, еще две крысы подошли к первой и встали рядом с ней. Все они смотрели на него, смотрели твердо, без суетливости, не мигая и не отводя своих маленьких блестящих бусинок-глаз.

«Мистика», – подумал доктор Воллис и, отделившись от Эмилии, сделал несколько шагов в сторону вдоль стекла вольтера. Крысы, как флюгера, или, точнее, локаторы, синхронно повернули головы, точно отслеживая его движение и продолжая смотреть прямо в глаза. «Сканируют!» – первое, что почему-то пришло в голову доктору Воллису. Он резко повернулся и зашагал к себе в кабинет.

– Все действия с крысами необходимо немедленно прекратить, – объявил он Эмилии. – Мне необходимо подумать, это... – он попытался найти подходящее определение тому, что сейчас видел, но кроме, – черт знает что, – ничего в голову не приходило.

– Испугался? – укоризненно, с ноткой разочарования в голосе, спросила Эмилия. – Прерывать эксперимент на самом интересном месте? Где же твоя научная смелость? Конечно, крысы ведут себя странно, ненормально даже, можно сказать, пугают нас своими новыми возможностями, этими пристальными взглядами. Может быть, они не хотят, чтоб их разделяли, может, что-то еще, но это вовсе не повод прерывать эксперимент. На самом деле все идет нормально, ре-

зультаты фантастические, нужно только собраться, не обращать внимания на всякие побочные эффекты и довести эксперимент до конца. Ты станешь великим человеком, впишешь свое имя золотыми буквами в историю науки и когда-нибудь с улыбкой будешь вспоминать, что тебя в свое время чуть было не остановили какие-то крысиные взгляды, – с чувством произнесла Эмилия, подходя к Гарри и прижимаясь к нему, – а я буду тобой гордиться.

В эту ночь приснился ему странный сон. Он шел по бесконечно длинному, грязному, захламленному всяким мусором коридору, едва освещенному тусклыми, редкими светильниками, мимо справа и слева расположенных дверей, на некоторых висели таблички на непонятном языке, даже буквы были незнакомы ему. Двери были закопченные, заплесневелые, покрытые то ли старым жиром, то ли какой-то липкой грязью, с ржавыми, полуразвалившимися ручками, некоторые двери вообще забиты крест-накрест сгнившими от времени деревянными досками. Одиночество он почувствовал, потерянность, никого кругом нет. Совсем один. Он продолжал медленно идти по коридору. За некоторыми дверями тихо, за другими какая-то возня, шум, иногда крики резкие, дикие, вой звериный. Страшно ему стало, сердце стынет и бьется глухо, ноги ватные с трудом передвигает. Вдруг понимает он, что кто-то за ним идет, гонится, поэтому должен он спрятаться, зайти в какую-нибудь дверь, только выбрать нужно правильно, ведь ошибка – это его смерть. Он видит

чистую, новую дверь, без грязи и паутины, и понимает: туда ему нужно. Открывает ее, а там, в центре пустой комнаты, Эмилия лежит на диване из его кабинета, глаза закрыты, и улыбается во сне. Он еще подумал, зачем же она портьерой накрылась, она же давно висит, пыльная, наверное. Садится он рядом с ней, смотрит с удовольствием, а она глаза открывает, руками шею его обхватывает и прижимается к нему страстно. Он рядом ложится, целует ее, гладит, а одежды на ней никакой. Она все сильнее прижимается, любовь чувствует. Хорошо ему, тает все внутри от удовольствия, глаза даже закрывает на секунду, а когда открывает, чувствует, сбоку что-то шевелится. Посмотрел искоса, а это крысиный хвост, размером в толстый канат. Перевел взгляд на Эмилию, а ее нет, с крысой он лежит огромной, в человеческий рост, глядит она на него не отрываясь и всеми четырьмя лапами к себе притягивает. Ударил его запах лесной, звериный, прошибло отвращение нечеловеческое, нервы задымились, волосы вздыбились от ужаса, страха дремучего, первобытного и... он проснулся. С криком жутким, пронзительным и в холодном поту. Жену напугал страшно, да и сам трясется, как в ознобе.

Гарри, окончательно проснувшись, оглядел свою спальню, Поллет, сидящую на кровати с белым от страха лицом, но сразу в себя прийти не мог. Помахал головой из стороны в сторону, как будто отгоняя что-то, и, ни слова не говоря, бросился к бару. Прямо из бутылки выпил несколько глот-

ков крепкого, обжигающего бренди, чуть отдышался, выпил еще. Тело его предательски дрожало. Заглушить нужно было то ощущение, забыть навсегда.

– Плохой сон, – единственное, что он смог из себя выдать, глядя в испуганные глаза Поллет.

– С тобой происходит что-то ужасное, а я не знаю, как тебе помочь, – сказала она со слезами на глазах.

– Иди спать, все уже прошло. Я на кухне посижу немного. Успокоиться нужно.

Больше спать он не мог, да и боялся, что это может вернуться. Тупо сидел перед полупустой бутылкой бренди и хаотические мысли невеселой каруселью крутились в его голове, пока он не наткнулся на поразительно простое решение: «Кончать надо все это – исследование табу, пристально смотрящих крыс, вообще весь этот взбесившийся эксперимент. Интуиция подсказывает, плохо это кончится. Прав оказался его идейный противник, профессор Кроуфф, – “Игра с дьяволом!”. Доктор Воллис, большая наука, да и все прогрессивное человечество и без этого открытия прекрасно обойдутся». Прикончив бутылку и едва дождавшись утра, Гарри, принял холодный душ, чтоб сбить опьянение, и отправился на работу. Решение окончательно созрело, эксперимент был закончен на полпути, идти дальше он не мог и не хотел. Так рано доктор Воллис в лабораторию никогда не приходил. Поздоровавшись с удивленным вахтером, он прошел по длинному коридору к двери, на которой висела таблич-

ка: «Лаборатория зоологии. Заведующий доктор Гарри Воллис». Это были его владения, его второй дом. Достав ключи, доктор Воллис обнаружил, что дверь в лабораторию не заперта. «Кто это может быть? – подумал он удивленно. – Наверное, уборщица, на часах без пяти семь, ее время». Он открыл дверь и вошел. Первое, что он увидел – труп Эмилии, висевший в петле из телефонного провода. Опрокинутый стул валялся рядом. Было тихо. Тело медленно покачивалось в воздухе.

Доктор Воллис выпучил глаза, сделал несколько неуверенных шагов по направлению к Эмилии, но черная пустота навалилась на него, и он свалился в глубокий обморок, ударившись головой о каменный пол. Очнулся он от резкого запаха нашатырного спирта. Рядом с ним, на корточках, сидел врач в белом халате, который, ощупав его голову, осведомился, как он себя чувствует и, удовлетворенно кивнув, отошел в сторону. Вся лаборатория была заполнена полицейскими и штатскими чинами, которые о чем-то вполголоса беседовали, снимали отпечатки пальцев, фотографировали. Эмилию уже вынули из петли и положили на пол, накрыв белой простыней. Руководил всеми плотный, невысокий, решительный мужчина средних лет, который, обнаружив, что Гарри пришел в себя, представился ему как следователь Мэл Кински.

– Как вы себя чувствуете, доктор Воллис? Вы можете отвечать на вопросы? – прежде всего осведомился он и, после

согласного кивка Гарри, спросил:

– Так как это произошло? Кто, по-вашему, виноват в смерти Эмилии Маккензи?

– Они, – ответил Гарри и показал рукой на вольер. – Крысы, – сказал он уверенно и, несмотря на присутствие большого количества незнакомых людей, горько заплакал.

– Успокойтесь, доктор Воллис, – продолжал следователь с легкой иронической улыбкой, – я понимаю, вы сейчас очень взволнованы, но меня интересуют в первую очередь люди, тем более, что никаких крыс там нет. Вольер же пуст.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.